

Владимир Богомоллов
Она

Владимир Богомолов

Она

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9987680

ISBN 978-5-4474-0958-6

Аннотация

Лучший способ написать автобиографию – подвергнуть свою жизнь смертельной опасности. Ведь, как известно, за минуту до смерти перед глазами проносится вся жизнь. Конечно, у такого способа есть свои недостатки: не все успеваешь записать за один раз. Приходится подвергать себя смертельной опасности практически постоянно. В кафе заказываешь сомнительное блюдо, едешь ночью в Восточное Бирюлево – и все для того, чтобы вспомнить, что...

Она

Владимир Богомолов

© Владимир Богомолов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Человек ведь наверняка не умирает сразу. Мгновенно в природе вообще ничего не происходит. Может быть, легенды, когда обезглавленный продолжал некоторое время двигаться, правда. Вот он стоит, ему отсекают голову, кровь заливает одежду, а он начинает бежать вдоль строя своих товарищей, которые по уговору должны быть помилованы. Бежит, пока кто-то не ставит ему подножку. Но ведь и голова не может умереть сразу. Вот падает нож гильотины, голова с чвяканьем сваливается в корзину. Если взять ее за волосы, ведь она может открыть глаза, или даже что-то сказать, или хотя бы высунуть язык. Я нажал на педаль унитаза вагонного туалета, в дыре замелькали шпалы, туда же упала отрубленная голова. Может ли человек умереть только от боли, не сойти с ума, а сразу умереть. Насекомые, говорят, не чувствуют боли. Я отпустил педаль унитаза, дно захлопнулось, и звуки резко стихли. И почему человеку все надо объяснить, почему, если он не понимает природы каких-либо вещей, ему необходимо выдумать какую-нибудь теорию, которая все ему объяснит. Ну пусть останется непознанным, пусть будет загадка. Нет. Гипоталамус и точка. Вот и вся любовь.

– Но ведь это же просто случай, что влюбляешься в эту женщину, а не в другую. – Он снисходительно улыбнулся. – Ничего больше. Два случайных человека случайно встретились и, потому что у обоих есть инстинкт продолжения рода, влюбились.

– Бред какой-то. Случайно. А что тогда неслучайно? Тут не то что жить, а просто переспать далеко не с каждой хочется. И куда в этот момент девается твой инстинкт?

– Хорошо, хорошо, я понял, браки заключаются на небесах. Дом и имение – наследство от родителей, а жена от Господа. Все понятно.

– Не понимаю твоей иронии. Можешь верить в случай или считать, что выбор за тебя делает гипофиз. Пожалуйста.

– Мы же не животные какие-нибудь, мы по образу и подобию.

– Да, по образу.

– А скажи мне...

– Есть ли у бога хуй?

* * *

Стоит мне выпить, как я начинаю спорить, становлюсь болтлив. Внутри меня просыпается некто, желающий опровергнуть любое высказывание собеседника. Я начинаю противоречить всему, что бы он ни произнес. Но с незнакомцами спорю редко, тем более в поезде, где я сейчас и находился. Она: маленького роста, с короткими темными волосами, маленькой острой грудью, забралась на верхнюю полку с книжкой и покачивала голыми коленками. Он: высокий, с ухоженной бородкой и постоянной ироничной улыбкой на лице, предложил мне выпить. Я не стал отказываться.

– Я же не убиваю не потому что там кто-то есть, – он указал пальцем на небо, – а потому что мне это противно. Но если человек много ест, что в этом такого, кому до этого вообще есть дело, в чем тут грех? И потом убийство оно либо есть, либо его нет, а тут... Ты же в любом случае ешь, а где находится эта грань, после которой уже начинается обжорство, и кто ее должен определять?

– Уж ты-то знаешь, где находится эта грань. – Она свесилась с верхней полки. Майка у нее задралась, и мне были видны ее маленькие груди. Я подумал, что она изменяет ему. Казалось, что вот сама эта невольно обнажившаяся грудь служит прямым доказательством измены.

– Я допустим и знаю, а будут ли знать об этом те, кто будет меня судить, может они скажут – «э-э, нет брат, вот этот шницель уже обжорство», а я им, «побойтесь бога, какое обжорство, я был голоден, как волк», а какой-нибудь чертенок будет кричать – «обжорство, обжорство, я сам видел, как горели его глаза и слюна капала в тарелку, и не имел он страха в момент сей и забыл он Бога своего», ну тут, конечно, все закричат – «в ад его, в ад» и попро-буй им что-то доказать. А я быть может, в этот самый момент только и думал, что о нем и благодарил его за это удовольствие, и возносил хвалу ему, как женщина, кричащая во время оргазма – о боже, о боже.

Присутствие симпатичной женщины превращало пьяный спор в состязание двух самцов. Только вместо разноцветных перьев на хвосте мы демонстрировали наше остроумие и красноречие. Я даже подумал, что может это вовсе не муж и жена, а любовники, путешествующие втайне от супругов. Но это молчаливое взаимопонимание, дающееся только после многолетнего ведения совместного хозяйства, и сходство в выражениях лиц, непостижимым образом возникающее при длительном общении. Да и некоторая усталость друг от друга тоже присутствовала. Конечно, как жена она слишком уж непосредственна, и я бы изошел от ревности, но она мне нравилась, я смотрел и смотрел на нее, а потом, когда она вышла, он неожиданно предложил мне переспать с ней.

– Мы очень хотим иметь детей, но я, увы, бесплоден. Ничего не поделаешь.

– Это шутка такая?

– Нет. Я серьезно.

– К чему все это? Хочешь посмотреть, что я буду делать? Может, ты пьян?

– Да не пьян я. И шутить не собирался. Это была бы неудачная шутка.

– Бред какой-то.

– Ты придаешь этому пошлый характер.

– Но неужели нет другого способа?

– По-моему, этот способ достаточно традиционен, в некотором смысле даже банален.

– Мне кажется, по столь деликатному вопросу можно было бы и не прибегать к помощи посторонних людей. Есть же искусственное оплодотворение, в конце концов. Ты же меня совсем не знаешь, может у меня какие-нибудь заболевания.

– Нет у тебя никаких заболеваний.

– Да откуда ты знаешь? Что за бред? Я тоже хорош – всерьез обсуждаю с тобой такую ерунду.

– А-а, тут все равно не угадаешь. Чему быть – того не миновать. Ты понравился ей. А у нее сейчас как раз такие дни, когда можно забеременеть. Ну не дал бог детей, и что теперь? Усыновить? Она хочет родить, я ее понимаю, ей хочется иметь своего ребенка, вынашивать его, кормить грудью и все такое. «Я хочу забеременеть естественным способом».

– Извини, я вряд ли смогу чем-то помочь.

– Постой. – Он хотел схватить меня за руку.

– Извини. – Я одернул руку и вышел из купе. Что за ерунда. Как он может такое предлагать, он в своем уме? Шутка? Как-то затянулась. Идиот какой-то. Я тоже хорош. Надо было сразу отшутиться. Думал я, стоя в тамбуре.

Я вернулся в купе. Его не было, она лежала на нижней полке, покачивая ногами под музыку из наушников. Она тоже участвует в этом розыгрыше. Ведь это не может быть правдой.

– Что ты так странно на меня смотришь? – Она сняла наушники.

– Извини. Задумался.

Я смутился. Знает она, о чем мы говорили? Вряд ли. Это было бы уже слишком. Она встала и положила руки мне на плечи.

* * *

Все, что касается размножения, умещается в крохотной головке насекомого. Разве они вообще могут думать? У человека такая большая голова, и большая ее часть забита мыслями о том же. Процесс спаривания – ничего более обыденного, более естественного невозможно себе представить. Но почему-то с самого детства эта область представляется чем-то грязным, недозволенным, запретным. Вот оно – истинное поле битвы бога и дьявола. Все запреты, все табу сексуальных отношений оттого, что это один из способов общения с Богом. Ни больше, ни меньше. Поэтому в нашем языке и слов-то нет для обозначения всего, что связано с сексом. Они запретны, как настоящее имя Бога, и мы вынуждены пользоваться ненастоящими словами, намеками, иносказаниями. Откровенно об этом можно будет поговорить только с Ним. Тогда можно будет все назвать своими именами.

* * *

– ... снилось, как я приставал к незнакомой девушке. Во сне-то она была мне знакома, но в жизни такой не упомяну. Рыжеволосая. А она все не давала и не давала. И что-то меня мучило... что вот я еще не познал ее каким-то особым способом (что за способ такой, я и во сне сообразить не мог, но что такой существует и, главное, ей очень нравится, знал) и вот я всю ночь мучился и так елозил и так, устал жутко, проснулся совершенно разбитый. Лучше бы снилось, что разгружал вагоны. – Я зашел в редакцию на пять минут, но не удержался и решил рассказать свой сон. Пробегавшая мимо Аня заставила моих коллег вертеть головами и смотреть ей в след.

– Всегда удивлялся: смотришь – девушка как девушка, даже, можно сказать, скромная. Подойди вот к ней сейчас, предложи что-то непристойное – обидится. А потом узнаешь, что с ней уже пол-офиса переспало. Я не про нее конкретно. – Максим махнул рукой в сторону Ани.

– Думаешь, с этой не переспало? – Алексей знал все про всех. Иногда казалось, что вообще все и вообще про всех.

– Не знаю. Но уже ничему не удивляюсь. – Максим вздохнул. Он слыл романтиком, потому что единственное, что его интересовало – это девушки.

– У тебя уже было с ней? – Спросил меня Алексей с улыбкой, говорящей, что он все и сам знает.

При всех недостатках у профессии журналиста есть одно неоспоримое преимущество: когда говоришь незнакомой девушке, что ты журналист, это вызывает такой интерес, как если бы ты сказал, что у тебя член длиной в полметра. А ведь совсем еще недавно любили каких-нибудь волосатых музыкантов с гитарами. Я и сам пытался научиться играть. Остается только гадать, куда подевались эти романтические дуры, снимавшие одежду, как только мои пальцы ударяли по струнам. Какое было время. Со звуком лопнувшей струны расстегивались лифчики и падали к моим ногам, а забытых женских трусов у меня в комнате было больше, чем пустых бутылок. Но сейчас дают журналистам. Может поэтому я журналист. Но что должно быть у журналиста, каков его отличительный признак? Музыкант – он вот с гитарой. Может орать под окнами, мешая всем спать. А журналист что? Журнал с собой носить? «Вот смотри, дура, это моя статья о еврейском заговоре». «Ой, какой ты умный, возьми меня скорей». Прикроешь ей лицо картинкой из этого журнала, вздохнешь и поне-

воле вспомнишь гитару. Ее хоть разбить можно было об чью-нибудь голову, играть я все равно так и не научился.

Она в коротком платье, развевающимся на ветру. Все вокруг как в тумане, как будто в кадре с большой глубиной резкости, взгляд сфокусирован только на ней, а фон размыт. Рыжеволосая, зачем ты убегаешь от меня. Оборачивается, смеется и ждет меня. Когда я подбегаю к ней и беру я ее за руку, она вырывается и смеясь убегает. Скрывается в подъезде. Дергаю за ручку дверь, как на меня выскакивают рыцари в доспехах, я сторонюсь, но ручку не отпускаю, придерживаю им дверь. За людьми в доспехах, копируя их, выбегает моя рыжеволосая девушка, строит важное лицо, надувает щеки. Не выдерживает хохочет. Я выдергиваю ее за руку и строя рыцарей, пытаюсь поцеловать, но она ускользает сквозь пальцы, бежит по лестнице к открытому лифту. Я успеваю проскочить в уже захлопывающиеся дверцы лифта, мы едем на верхний этаж. Я прижимаю ее к стенке лифта, задрав платье, она, обхватив меня ногами и держась руками за шею, стонет. Запрокинув голову, закрыв глаза. Я смотрю в зеркальный потолок и вижу отражения множества стоящих в лифте людей. Как только я взглянул на них, они тут же опустили головы и стали смотреть в пол. Лифт останавливается на последнем этаже, и девушка со смехом бежит по лестнице вниз. Я продолжаю погоню. На одной из лестничных площадок вижу парочку. Она стоит, наклонившись, у раскрытого окна, курит и смотрит на серый туманный город, иногда производя слабый стон и рукой прикасаясь к нему, как бы останавливая его. Она абсолютно голая. Он, напротив, в одежде, даже не снял куртки. Я потревожил их, мужчина, как наседка цыплят пытается укрыть женщину, чтобы я не смог увидеть ее голого тела, но не останавливается. Женщин оборачивается смотрит на меня улыбаясь, посылает воздушный поцелуй. В след за женщиной оборачивается мужчина, недобро смотрит поверх солнцезащитных очков. Я бегу дальше. Открываю подъездную дверь, и не успел я осмотреться, как на меня набросился тигр. Я закричал, отступил назад и провалился в пустоту.

* * *

– Не торопись. Не забудь, что ты должен кончить в меня.

Дверь купе открылась.

– Извините, сигареты забыл. – Он осмотрел столик. – Не видела, случайно. – Спросил он ее. Мне стало не по себе. Напомнило ощущение из детства, когда хочется провалиться сквозь землю в самом прямом смысле слова. Наконец, он нашел сигареты.

– Мне тоже дай. – Она закурила. – Что ты так испугался? Все? Мне сейчас надо вот так полежать.

Она лежала, задрав ноги. Я налил себе, выпил и вышел из купе. Он стоял в проходе и пытался улыбаться. Меньше всего я хотел сейчас услышать от него: «Ну как?».

– Пойду пройдуся, – сказал я и пошел шататься по вагонам.

Я дошел до конца поезда и остановился в последнем тамбуре. Солнце уже село, но было еще светло. Я смотрел на уносящиеся по направлению к Москве шпалы, и почему-то мне представился Никита Михалков, идущий с лошадью навстречу поезду, со своей довольной улыбкой, жуящий яблоко. Только на этот раз ему навстречу ехал наш поезд, и он не остановился. От лошади осталась только задняя половина, торчавшая из поезда, как носовая фигура корабля. Михалков успел отскочить и теперь бежал за нами, но куда ему – за нашим скорым не угнаться и на лошади. Я смотрю на него из окна последнего вагона, он в отчаянии бросает в меня яблоко и падает, но и яблоко не долетает. Не его день. Да. Сегодня мой день. Когда я вышел от нее, чувство неловкости, чувство чего-то ненормального не давало мне покоя. Сейчас я представлял, как буду рассказывать об этом своим друзьям, какими словами

запишу все это, и мне становилось радостно. Да и то, что от меня, возможно, будет ребенок, льстило мне. Я чувствовал себя героем кинофильма.

Открыв дверь купе, я обнаружил ее в той же позе, что и полчаса назад. Незнакомый мужчина так же, как я, шарахнулся от звука открывающейся двери. Я сказал: «Извините». Тут из-под земли возник он.

– Расстроен, что не будешь единственным?

– Да нет.

– Расстроен-расстроен. Каждый считает, что даже чужие жены принадлежат ему.

– Но зачем?

– Это увеличивает вероятность забеременеть. Лучше пережить один такой день, чем делить жену, например, с тобой в течение года.

Мужчина вышел из купе, стараясь не смотреть на нас, и пошел прочь. Она, наверное, опять лежит, задрав ноги.

– Будут еще?

– Один.

– Откуда вы их берете?

– Она находит. Пойдем отсюда. Они справятся без нас.

– Спасибо, что я первый. – Он снисходительно посмотрел на меня. – И что, не отказывают?

– Ты же вот согласился.

* * *

– Жена изменяет? А кому не изменяет? При этом я люблю ее, да и она меня по-своему любит, нам хорошо вместе. Был бы ребенок – получилась бы обычная семья. – Андрей замолчал, уставился в окно. – Не замечал, как приятно смотреть в окно в поезде или в автобусе? Эти унылые пейзажи, деревенские дома, пустующие платформы. Но только смотреть. Представить на секунду, что ты остался на этой платформе, поезд медленно набирает ход, скрылся, и ты стоишь один среди всего этого, и такая тоска сразу, такое одиночество, что не дай бог. Нет. Любимое отечество приятно наблюдать из окна быстро проносящегося поезда, который увозит тебя куда-нибудь на юг или на запад. Так что ты пишешь? Статьи? – Спросил он.

– Да. А ты чем занимаешься? – Но он не слушал меня.

– Дети, как попытка убежать от смерти. Не удалось мне – получится у них. Ерунда, если подумать. Те же инстинкты, ничего больше.

– Ты опять о своем.

– Два взрослых человека тратят годы своей жизни, чтобы вырастить детей, те тоже будут растить детей, и следующие и так до конца света. Представь себе, вот родится инвалид, и что? Оставить в роддоме или положить свою жизнь на ухаживание за инвалидом. Верующий – понятно, он не столько о ребенке печется, сколько душу свою спасает, духовный подвиг совершает. Надеется получить за это награду в загробной жизни. Ну а как нет там ничего, тогда ведь все эти усилия ни к чему. Тогда это просто превратит жизнь двух здоровых молодых людей в ад. Они могли бы нарожать еще кучу здоровых детей, но нет, они люди высоконравственные и больного ребенка бросить никак не могут.

– Инвалиды бывают разные. Да и чем инвалид мешает родить еще?

– Потому что этот инвалид отнимает у них все силы и средства. Теперь он живет, а они существуют.

– Эдак тебе и собаку нельзя завести. Ее ж кормить надо, гулять выводить, а она еще и заболеть может. И жизнь здорового человека уходит на ухаживание за какой-то псиной. И главное, ведь тоже не выкинешь.

– Да знаю, знаю. Я боюсь, что там ничего нет, понимаешь. Растворишься в пустоте, исчезнешь. Все, что есть, – только вот это, только здесь и больше ничего. Но зачем тогда дети, собаки? Это для буддистов небытие – счастье; меня оно пугает. Да, я не люблю детей, и что? Я буду лишен царствия небесного? Я много чего еще не люблю, у меня вообще куча недостатков, но я не хочу меняться. Я нравлюсь себе таким, каков я есть, со всеми недостатками. Если я исправлю все свои недостатки, это буду не я, это будет кто-то другой. А я не хочу быть другим. Хотя какая разница. Что там может быть? Вечный покой? Какие там могут быть удовольствия? Секс, вино, еда, сон? Ясно, что нет. Там ничего нет, и не может быть. Покой. Вечный покой. Покойся с миром. Все.

– Удовольствия?

– А что? Что там может быть?

– Любовь.

– Любовь? А что это? И где эта любовь? В раю? А в аду что?

– Да нет ни ада, нирая, есть одна любовь, просто для некоторых она настоящий ад.

* * *

Я задумался, внимание мое рассеялось на какое-то время. Наверное, закрыл глаза, не заснул, нет, просто задумался. Когда пришел в себя, моего попутчика за столом не было. Вряд ли он мог уйти самостоятельно, но не это меня сейчас беспокоило. Напротив сидел мужчина лет сорока, о котором нельзя было сказать ничего определенного, за исключением слова «подозрительный». Он разливал коньяк из бутылки и что-то рассказывал. В этом не было ничего странного: кто-то подсел ко мне, угощает, что-то говорит, но – я ему отвечал! Я даже не сразу это понял, потому что не узнал собственный голос – он звучал так, будто был записан на пленку. Я словно раздвоился и теперь наблюдал за собой. Однако тот, второй я, который только что увлеченно разговаривал, заметил, что я за ним слежу, и стал вести себя совсем неестественно. Теперь мы оба следили, как моя рука берет стакан, подносит его ко рту, ставит на место, как я, тщательно подбирая слова, отвечаю моему собеседнику. Это было и смешно и страшно одновременно.

– Весь день ужасно болит голова, надеюсь, это поможет. – Он взглянул на этикетку и поставил бутылку на место.

– Вы знаете в ушах сосредоточено множество нервных окончаний, сейчас я покажу вам как надо массировать уши, буквально пара минут в день и вы почувствуете эффект.

Он усмехнулся, и пальцами рук убрал с висков длинные волосы. Я видел только розовеющий след на месте ушных раковин, мне стало не по себе, я отвел глаза.

– Уши – это всего лишь хрящ. – Он опустил руки. – Они даже для того чтобы слышать не очень-то нужны, я вот вас прекрасно слышу. Нервные окончания? – Он опять усмехнулся. – И где же они теперь, как вы полагаете? На месте среза, – он опять обнажил виски, но видя, как я поморщился тут же вернул волосы обратно, – или они остались в ушах?

– Не знаю, что вам ответить?

– Если они остались в ушах, то может следует массировать их. – Он выложил на стол два маленьких уха, как будто сделанных из резины, и стал растирать их пальцами. – Но я ничего не чувствую, совсем ничего.

– Откуда у вас это? – Меня слегка затошнило, не мог же он сам отрезать себе уши, на сумасшедшего не похож. Я все время представлял, как он это делает, как эти руки держат

в руках бритву. А где сейчас эта бритва? Может это розыгрыш, может уши действительно резиновые, но у него-то на самом деле нет ушей, я же видел это собственными глазами.

– Хотите потрогать? – Он протянул их мне. Я взял одно ухо двумя пальцами и тут же бросил обратно – оно было теплым. Ничего удивительного, успокаивал я себя, он же мял их в руках, они и должны быть теплыми. – Говорят еще в ступнях много нервных окончаний. Я даже коврик специальный себе купил, чтобы ходить по нему босиком.

– Ну и как?

– Не знаю, может из-за отсутствия ушей, но я ничего не чувствую. Я пытался и уши одновременно тереть – не помогает.

Мне показалось, что мы сидим на крыше вагона, а над нами – черное южное небо, сверкающее своими созвездиями и туманностями и прохладный вечерний воздух, наполненный запахами, что источают исчезающие в темноте предметы, обдувает нас со всех сторон. Попытался встать, поезд страшно трясло, но я все равно встал.

Как здесь трясет на этой вашей крыше, куда мы так несемся, почему все вертится перед глазами, мелькает – огни, деревья. Поднявшись, увидел, что навстречу мне стремительно приближался мост. Удар пришелся как раз в голову. Очнулся сидящим на полу в тамбуре, оттого что кто-то стукнул меня дверью. Было больно, тошнило, долго не мог понять, в каком я вагоне. Наконец добрался до своего купе.

– Извините, – сказал я, увидев там нескольких незнакомых мужчин, и закрыл дверь. Убедившись, что это мой вагон и мое купе, я осторожно открыл дверь еще раз. Мужчины не исчезли, они вопросительно смотрели на меня, почесывая свои голые волосатые торсы. Где-то между их телами притаилась она, в забрызганной майке, со стаканом в руке, которым пыталась мне помахать. Узнала. А вдруг я отец? Но как же она пьяна. Какой-то мужчина в трусах или шортах мял ей грудь. Я забрался к себе наверх. Кто-то играл на гитаре. Незнакомая голая женщина сидела на противоположной полке и смеялась. Я пытался сосредоточить на ней свой взгляд, чтобы убедиться, что она действительно голая, но она все время уплывала. Закрывал глаза – становилось еще хуже. Желтые пятна плыли передо мной. С огромным трудом я открывал глаза и, цепляясь взглядом за предметы, старался прекратить это головокружение. А потом звуки вдруг стихли, плывущие пятна поменяли свой цвет.

Интересно, спит ли Бог и видит ли сны? Если мы по образу и подобию, должен, наверное. Что же ему снится? Эротический сон Бога, он просыпается и говорит: приснится же такое. Я тоже могу ему присниться, мне же может вот все что угодно присниться, в том числе и Бог, в том числе и что я Бог. Я – сон Бога, Бог мой сон мой.

Толстая голая женщина лежит на спине с широко раздвинутыми ногами, она шевелит коленками, улыбается и теребит рукой густую растительность на лобке. Я подхожу к ней и со всей силы всаживаю ей между ног кривую турецкую саблю, которая полностью входит в нее, так что я чувствую, как рука прикасается к теплой, влажной, женской плоти. Женщина закрывает глаза от удовольствия и тихо стонет. В руках у меня появляется двуствольное охотничье ружье. Женский рот берет ствол губами, оставляя следы ярко-красной помады. Ствол его медленно скрывается во рту, пока рука, держащая ружье, не упирается в подбородок. Звук выстрела. Затем также медленно выползает оттуда. Из обоих стволов капает, и идет небольшой дымок. Рот облизывается, помогая себе пальцами рук с ярко-накрашенными ногтями. Глаза блестят, улыбаются.

* * *

Проснулся я от грубых толчков. Человек в форме тряс меня за плечо.

– Просыпайся.

– Что такое? Таможня?

Я тер глаза, моих попутчиков не было, в купе стоял ужасный запах, мне хотелось пить, болела голова. Вошел мужчина неопределенного возраста в кожаной куртке и солнцезащитных очках. Он посмотрел поверх очков и, не переставая жевать жвачку, сказал:

– Ваши документы.

Я вертелся под простыней, пытаюсь понять, куда делась моя одежда, на мне абсолютно ничего не было, но я не помнил, чтобы раздевался. Отсутствовала и сумочка с паспортом и деньгами, которую я всегда ношу с собой.

– У меня пропали вещи и документы.

Человек в кожаной куртке посмотрел себе под ноги и увидел, что наступил ногой на раскрытый паспорт. Мой паспорт. Он лениво поднимает его, смотрит, прищурюсь, на меня потом на фотографию и убирает паспорт во внутренний карман

– Одевайтесь, пойдете с нами.

– Но в чем же я пойду?

Человек в форме поднял обе нижние полки, под которыми лежали вещи.

– Ваши вещи? – Он показал на ее сумку, его чемодан отсутствовал.

– Нет.

Он достал и мои вещи.

– Ваши?

– Да. Зачем вы их трогаете?

– Одевайтесь!

– Зачем? Что случилось-то? Вы, кстати, паспорт мне отдайте.

Человек в кожаной куртке вздохнул и вышел из купе. Я пытался завернуться в простынь, ничего не получалось, запутался и злился за это на себя.

– Я не собираюсь никуда выходить, пока не скажете, в чем дело, – крикнул я ему вслед.

Два милиционера стащили меня с полки, я попытался вырваться, но мне скрутили руки, один из них несильно ударил меня по лицу. Кое-как они завернули меня в простыню.

– Что вы делаете? Кто-нибудь может мне объяснить, в чем дело?

– Ваша попутчица найдена мертвой. – Крикнул мне человек в кожаной куртке из прохода.

– Что значит мертвой? Где найдена? Что произошло-то? Куда меня ведут? Ответьте мне, наконец!

* * *

– Да не беспокойтесь вы, дело-то пустяковое. – Сказал подозрительный мужчина из вагона-ресторана.

Андрей вздохнул и, глядя на него, слегка поморщился.

– Создавая человека, господь, пожалуй, исчерпал себя, – сказал Андрей. – Мастер исписАлся. Насколько мир без человека прекрасен и ничего кроме благоговейного трепета не вызывает – настолько же мир человеческий ужасен. И ужасны не индустриальные пейзажи – они-то мне даже нравятся, – а ужасны сами созданные по образу и подобию, ужасны люди. Вообще идея сделать что-то «по образу и подобию» сродни искусственному интеллекту. Мне кажется, не случайно в фантастических романах человек, пытаюсь создать разумных существ, всегда получает монстров. Люди вообще лишние на земле. Она создана не для них. Посмотри, как все в дикой природе гармонично без людей. Даже когда кто-то кого-то убивает, съедает – это выглядит естественно и не нарушает гармонии. Но тут свалился с небес человек и не только себе жизни нормальной не создал, но и всем обитателям земли жизнь испортил

– Вы никогда не думали о самоубийстве? – Спросил мужчина.

- Что? – Не расслышал Андрей.
- Мне кажется, хорошее начало романа: «Он машинально овладел ей». А?
- Кто овладел? Кем?
- Он. Ей.
- Ею. Ея. Е-е.
- Е-ы. А еще я сочинил новую пьесу.
- Новую?
- Хотите послушать?
- Нет. Спасибо. – Про себя: «Он машинально сочинил пьесу».
- Не волнуйтесь она короткая и очень смешная. Правда-правда. Представьте себе большой длинный стол, за которым сидят: Маяковский, Лиля Брик и еще двое мужчин.
- Первый мужчина, обращаясь к Маяковскому:
- Ты правда боишься поранить палец?
- Маяковский слегка побледнел, но ничего не ответил.
- Такой здоровый мужик, а пальчик боится порезать. Тебя пугает вид крови или ты боишься, что будет больно? Но это же совсем не больно – вот смотри.
- Не надо, – простонал Маяковский.
- Мужчина берет со стола нож и режет себе палец. Маяковский бледнеет и падает в обморок. Брик подхватывает его, мужчина заливается смехом, падает со стула и разбивает себе голову. Другой мужчина подходит к нему, смотрит на разбитый череп в луже крови, щупает пульс.
- Что с ним? – очнулся Маяковский.
- Похоже, что умер.
- А-а-а. Маяковский опять падает в обморок.
- Занавес.
- Ну, как? – Спросил мужчина.
- Опять падает в обморок.
- Что?
- Я цитирую.
- Кого?
- Вздыхает и морщится, произнося в сторону: «Машинально овладел им». Берет в руки газету, читает вслух:
- «На пляжах итальянского города Палермо дамам разрешено раздеться донага, а их спутникам – нет. „Мужская анатомия способна приобретать пошлый вид, даже непреднамеренно“ – уверены местные власти».
- А я вот перестал думать о самоубийстве. Вошел во вкус что ли. Не знаю.
- Сегодня видел, как молодой человек целует девушку. – Оживился Андрей. – Она закрыла глаза, щеки ее покраснели. Вот, думаю, если я сейчас тоже обниму ее или залезу ей под платье, как она отреагирует.
- И еще, вы знаете, мучительно не могу выбрать – писать правду или все-таки создавать образ положительного героя, ну хотя бы отчасти положительного.
- Отчасти положительного, – Андрей машинально повторяет конец фразы.
- Вы думаете?
- Что?
- А вообще, можно ли сейчас написать что-то типа «Ромео и Джульетты»? Что-то, что будут читать через 400 лет.
- Ромео на Альфа-Ромео. Альфа-Ромео, Бетта-Джульетта.
- И вот еще – какой бы фильм я сейчас ни посмотрел – либо он мне не нравится, либо я его уже видел.

– Где-то я все это уже слышал. Но где именно? Да и точно ли слышал? Да и собственно что «это»? Могу ли я хотя бы повторить это «это»? Но есть ощущение. Или правильной – есть ощущение, что есть ощущение. А может, и его нет.

– Но что-то все-таки есть?

– Ага. – Пытается засунуть себе в рот кулак.

* * *

Меня вывели на платформу. Небольшой туман, роса на асфальте, начинало светать. Белое одноэтажное здание вокзала. Где-то вдалеке послышался одинокий гудок паровоза, пахло поездом. Привели в небольшую комнату в здании вокзала. В открытое окно видна привокзальная площадь. На первом пути стояли вагоны поезда «Чулимск – Мариенбад». За столом сидел человек в кожаной куртке, оказавшийся следователем и листал мой паспорт. Громко тикали где-то часы, но, обведя взглядом комнату, я часов не обнаружил. Я был по-прежнему завернут в простыню на манер римской туники.

– Объясните мне, что произошло? – Я старался говорить как можно спокойнее, но он ничего не ответил.

– Назовите, пожалуйста, вашу фамилию, имя, отчество.

– У вас же мой паспорт, там же написано.

– Отвечайте на вопросы.

– Вам знакома Бержик Ольга Сергеевна?

– Нет. Кто это?

Он оставил мой вопрос без ответа.

– Послушайте, я известный журналист, у меня в Москве много знакомых, я требую объяснить, почему меня задержали, – не выдержал я.

– Жвачку хотите? Нет? Тогда опишите подробно весь вчерашний день. Лучше по минутам. Как вышли из дома, как сели в поезд, что делали в поезде.

– Может, вы позволите мне хотя бы переодеться?

Следователь недоуменно посмотрел на меня и жестами показал, что не возражает. Сумки стояли в углу комнаты. Я незаметно для следователя заглянул в сумку моей попутчицы. Пачки денег, сложенное пополам охотничье ружье и одежда, в которой она была в поезде. Я неосознанно дотронулся до ружья и тут же одернул руку, понимая что теперь там останутся мои отпечатки. Я испугался, запаниковал, хотел вытереть ружье, но следователь, видя что я копаюсь, поднялся со своего места. Я закрыл ее сумку.

– Так я вас слушаю. – Сказал следователь, когда я, переодевшись, сел на место

– Да нечего рассказывать. Проснулся, пообедал, я поздно просыпаюсь, поэтому и поезд такой выбрал, который в полчетвертого отходит. Ну, приехал на вокзал, сел в поезд.

– Когда вы зашли в купе, там кто-то уже был?

– Нет. Я был первым. Потом зашли они.

– Кто они?

– Мои попутчики, муж с женой. Я впрочем, не знаю наверняка, женаты они или нет, я же паспортов у них не смотрел.

– Проводник утверждает, что вы ехали вдвоем.

– Вдвоем с кем?

– Вы и погибшая девушка.

– Постойте, постойте. Мало ли что утверждает проводник. Он может и соврать. Может, он его за деньги без билета пустил. Потом его должны были видеть другие пассажиры. Да, мы с ним еще в вагон-ресторан ходили.

– Это мы проверим.

Вошли два милиционера, которые привели меня сюда.

– Пройдете с ним по поезду. Пусть все сядут на свои места. Попроси проводников, чтоб проверили по билетам. Если он кого опознает, тащите их сюда. Если нет – этого в отделение, там будем разбираться. Поезд надо отпустить. Да, в вагон-ресторан загляните.

* * *

– Ну что? Никого не нашли? – Спросил меня следователь.

– Нет.

– Да и в вагоне-ресторане, как я слышал, тебя никто не узнал, – он вдруг перешел на «ты», – не везет.

Я не мог понять, как такое может быть, почему меня никто не опознал, да и я сам никого не помню, все лица совершенно незнакомые, ведь к ней же заходили какие-то мужчины. Странно, очень странно. Меня привели в отделение милиции, посадили на стул посередине комнаты. В открытое окно я видел как голая девушка, сидя на корточках, доила корову. Я слышал, как струи ударятся о металлическое ведро. Милиционер, стоявший во дворе, заметил мой взгляд и накинул на плечи девушки свой китель. Девушка встала и подала милиционеру алюминиевую кружку с молоком. Он жадно пил, молока стекало по его усам, капало на форменную рубашку. Выпив все до дна, он отбросил кружку в сторону, обнял девушку и крепко поцеловал ее, китель спал с ее плеч, замычала корова.

– Слушайте, – я вскочил со стула, – то, что я ехал с ней в одном купе, вовсе не означает, что я ее убил. Почему вы вообще решили, что она убита. Может, это несчастный случай, может – самоубийство. Может... – Я не смог придумать, что же еще может быть и сел на место.

– Все может быть. Хотя странный способ покончить с собой, сняв перед этим одежду. Мы нашли ее голой.

– Как голой?

– Так. То есть абсолютно. Вот, если хочешь, посмотри на фотографии. – Он положил их на край стола. Я листал фотографии, где в разных позах лежала обнаженная рыжеволосая девушка, которую я припомнить не мог. Попался непонятный снимок: толстая голая женщина лежала на спине, а из нее торчала рукоять турецкой сабли. Лица женщины видно не было. Я никак не мог вспомнить, где же ее видел.

– Ты трахался с ней? – Неожиданно спросил он.

– Нет. – Машинально ответил я.

– Ну, нет, так нет. Установить это будет несложно.

– А если бы и было у меня с ней, что это доказывает?

– Сам посуди – ты едешь с ней в одном купе, трахаешь ее, а потом ее находят мертвой без одежды.

– Слушайте, а это не она. – Я вдруг опомнился и еще раз внимательно посмотрел на фотографии.

– Что значит не она?

– Я ехал с другой девушкой. Эту я первый раз вижу. – Я с облегчением вздохнул, кажется вся эта нелепая ситуация наконец разрешилась. Произошла чудовищная ошибка, и сейчас, когда все выяснилось, меня немедленно отпустят. Следователь выглядел растерянным, он взял у меня из рук фотографии и наморщив лоб смотрел на них.

– С фотографией на паспорте, который мы нашли в ее вещах, совпадает, проводник и пассажиры ее узнали.

– Что вы заладили – проводник, проводник. Я вам говорю, что ехал с другой девушкой, это не она. – Я продолжал радоваться.

– Боюсь, когда будет установлено, что ты трахался с этой девушкой... – Он потряс фотографиями.

– Послушайте. Я в который раз вам объясняю, я был в купе не один. Нас видела куча людей, они просто боятся, не хотят связываться с милицией. И потом, ну стал бы я после всего, что произошло спокойно спать и ждать, когда за мной придут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.